

АНИЗОТРОПИЯ МАГНИТНОЙ ВОСПРИИМЧИВОСТИ И НИЗКОРАЗМЕРНЫЙ АНТИФЕРРОМАГНЕТИЗМ CuO

Т. И. Арбузова*, И. Б. Смоляк, А. А. Самохвалов, С. В. Наумов

Институт физики металлов
Уральского отделения Российской академии наук
620219, Екатеринбург, Россия

Поступила в редакцию 17 июля 1997 г.

Исследованы анизотропия магнитной восприимчивости χ и влияние на нее кислородных вакансий в монокристаллах CuO . Для кристалла до и после термообработки, проведенной с целью изменения числа дефектов по кислороду, сняты температурные зависимости $\chi(T)$ вдоль направлений a , b и c в области $60 < T < 600$ К и полевые зависимости намагниченности $\sigma(H)$ выше и ниже температуры Нееля T_N . Зависимости $\chi(T)$ имеют вид, характерный для низкоразмерных систем, которые при понижении температуры становятся трехмерными. После отжига характер зависимостей $\chi(T)$ сохраняется. Кислородные вакансии практически не влияют на магнитную восприимчивость вдоль оси a , но приводят к изменению абсолютных значений восприимчивостей вдоль осей b и c . Существенным эффектом уменьшения концентрации кислорода является уменьшение низкотемпературной аномалии (роста) χ и увеличение минимального значения χ . Обсуждаются результаты расчета значений обменного параметра $1/k$ и g -фактора по моделям Гейзенберга и Изинга для одномерной системы.

1. ВВЕДЕНИЕ

Среди полупроводниковых $3d$ -оксидов монооксид меди CuO занимает особое место вследствие необычности ряда физических свойств. В отличие от NiO , CoO , FeO и MnO (ГЦК решетка) CuO имеет низкосимметричную моноклинную кристаллическую структуру и необычное для трехмерных ($3D$) антиферромагнетиков температурное поведение магнитной восприимчивости χ . В поликристаллах восприимчивость выше температуры Нееля T_N не уменьшается, а увеличивается, проходит через широкий максимум вблизи $T = 550$ К и затем медленно уменьшается при дальнейшем повышении температуры [1, 2]. Электрические и оптические свойства также имеют ряд особенностей [3].

Обычно соединения меди являются хорошим примером изотропных гейзенберговских систем. Для них характерно образование линейных ($1D$) цепей и плоских двумерных ($2D$) магнетиков. Это может быть обусловлено эффектом Яна–Теллера вследствие низкосимметричного окружения ионов Cu^{2+} . Данные по восприимчивости [1, 4–9], намагниченности [10–13] и теплоемкости [14, 15] CuO указывают на сильные спиновые корреляции и возможность низкоразмерного антиферромагнитного упорядочения выше T_N . Размерность магнитной системы влияет на термодинамические функции сильнее, чем структура кристаллической решетки. При уменьшении размерности от $3D$ до $1D$ усиливается значение эффектов ближнего порядка. Характерной особенностью низко-

*E-mail: magsemi@ifm.e-burg.su

размерных систем является пологий максимум восприимчивости χ и теплоемкости C при температурах, сравнимых с параметром обменного взаимодействия.

Моноксид меди CuO имеет простую химическую формулу и может служить модельным объектом для высокотемпературных сверхпроводников. Наблюдается подобие многих свойств CuO и $\text{YBa}_2\text{Cu}_3\text{O}_6$, La_2CuO_4 . Все они содержат одинаковые структурные фрагменты — параллелограммы $\text{Cu}(\text{O})_4$, образованные цепочками $\text{Cu}-\text{O}$, являются полупроводниками p -типа с низкой подвижностью носителей заряда, антиферромагнетиками с достаточно высокими температурами Нееля $T_N > 200$ К, имеют близкие значения магнитного момента насыщения на ион Cu^{2+} , которые значительно ниже теоретической величины. В области температур $T > T_N$ наблюдаются сильные спиновые корреляции.

Обменное взаимодействие между ионами Cu^{2+} (электронная конфигурация $3d^9$, спин $S = 1/2$) в основном осуществляется через ионы O^{2-} . Дефекты в кислородной подрешетке должны заметно влиять на магнитные свойства CuO , а специальное введение такого рода дефектов может служить хорошим способом выявления особенностей магнитных связей и упорядочения. Однако известно, что CuO имеет очень узкую область гомогенности по кислороду, величину которой невозможно определить обычными методами [16]. В то же время существующие расхождения в литературных данных [6–9] как по величине, так и по характеру изменения $\chi(T)$ для выделенных направлений можно связать с разным качеством и дефектностью образцов. Поэтому для CuO магнитные измерения, в частности измерения $\chi(T)$, являются эффективным инструментом, позволяющим исследовать влияние кислородных вакансий и других дефектов на магнитные свойства.

2. ОБРАЗЦЫ И МЕТОДИКА ИЗМЕРЕНИЙ

Монокристаллы CuO выращены методом раствора в расплаве в системе $\text{CuO}-\text{BaO}$ в тиглях из ZrO_2 . Смесь порошков CuO и BaCO_3 (марки ОСЧ) в требуемой пропорции нагревалась до 1000°C на воздухе. При этом происходило полное плавление смеси. Расплав выдерживался при 1000°C в течение 6 ч, а далее охлаждался до 890°C со скоростью $1^\circ\text{C}/\text{ч}$. Ниже 890°C система охлаждалась до комнатной температуры вместе с печью. Кристаллы из тиглей извлекались механически. Для получения образцов с различной степенью дефектности монокристаллы подвергались длительным отжигам в течение 20–80 ч при 500°C в кислороде (условно стехиометрические образцы) и при 950°C с закалкой в жидком азоте (образцы с дефектами по кислороду). В результате таких термообработок параметры решетки кристаллов не изменяются.

Рентгенографические исследования образцов при комнатной температуре проводились на спектрометре ДРОН-2 с использованием K_α -линии излучения хрома. Монокристаллы имели моноклинную решетку $C2/c(15)$ ¹⁾ с параметрами $a = 4.677 \text{ \AA}$, $b = 3.422 \text{ \AA}$, $c = 5.129 \text{ \AA}$ и $\beta = 99.50^\circ$. Монокристаллы CuO имеют форму четырехугольной призмы размерами до $3 \times 3 \times 10 \text{ мм}^3$. Естественные большие грани расположены в плоскости (110).

Магнитные измерения выполнены на магнитных весах Фарадея в области температур 60–600 К и магнитных полях $H \leq 13$ кЭ. Чувствительность весов позволяет из-

¹⁾ Цифра в скобках означает номер группы в международной классификации.

мерять восприимчивость до 10^{-8} см³/г. Температурные зависимости восприимчивости снимались в основном в поле 9 кЭ. Ошибка измерений составляла не более 3%.

3. МАГНИТНЫЕ СВОЙСТВА CuO

Первые тщательные измерения восприимчивости поликристалла CuO в широком температурном интервале $4.2 < T < 1100$ К были проведены О'Киффе и Стоуном [1]. Согласно их данным восприимчивость $\chi = 2 \cdot 10^{-6}$ см³/г остается постоянной при увеличении температуры до 140 К. Несколько другой характер зависимости $\chi(T)$, а именно, повышение восприимчивости при понижении температуры ниже 100 К, были получены в работах [4–6, 8, 9, 14].

Мы исследовали большое количество поликристаллов и монокристаллов CuO. Для наших монокристаллов в области низких температур наблюдалось увеличение χ при понижении T . Величина изменения χ , температурный интервал постоянной величины χ и ее минимальное значение зависят от дефектности образцов. Уменьшение кислородных вакансий путем дополнительного отжига в потоке O₂ приводило к уменьшению минимального значения до $\chi = 1.0 \cdot 10^{-6}$ см³/г. С увеличением концентрации кислородных вакансий максимум зависимости $\chi(T)$ в области высоких температур сдвигался в область более низких T и становился менее выраженным.

Температурные зависимости магнитной восприимчивости монокристаллов CuO вдоль главных кристаллографических направлений изучены в [6, 7, 9]. Они указывают на анизотропию χ как в области $T < T_N$, так и значительно выше T_N . Анизотропия восприимчивостей $\chi_{\parallel}$ и $\chi_{\perp}$ в области магнитного упорядочения характерна для коллинеарных антиферромагнетиков. Выше T_N восприимчивость должна быть изотропной величиной, и только в сильноанизотропных антиферромагнетиках может наблюдаться анизотропия χ [17]. В любом случае в области магнитного разупорядочения при $T > T_N$ при неизменной величине магнитного момента ионов восприимчивость должна уменьшаться с ростом температуры, однако в CuO она возрастает.

Температурная зависимость восприимчивости CuO имеет вид, типичный для антиферромагнитных низкоразмерных (1D или 2D) систем, которые при понижении температуры испытывают фазовый переход в 3D-состояние с дальним порядком взаимодействия [18]. Чтобы выделить влияние кислорода на магнитные свойства CuO мы исследовали зависимости $\chi(T)$ монокристалла массой 15.6 мг и размерами $2 \times 1.7 \times 2.5$ мм³ до и после термообработки.

На рис. 1 представлены температурные зависимости восприимчивости вдоль главных направлений a (χ_a), b (χ_b) и c (χ_c) в поле $H = 8.9$ кЭ для отожженного в потоке кислорода монокристалла CuO. В магнитоупорядоченной области $T < 213$ К спин иона Cu²⁺ направлен вдоль оси [010], поэтому χ_b представляет собой параллельную восприимчивость, а χ_a и χ_c — перпендикулярную [10–12]. Параллельная восприимчивость в коллинеарном антиферромагнетике должна стремиться при $T \rightarrow 0$ к нулевой величине, однако в CuO всегда наблюдается конечное значение χ_b . Это указывает на частичное размораживание орбитального момента и спин-орбитальное взаимодействие. С повышением температуры $T > 140$ К величина χ_b возрастает довольно резко. Однако в области $T_N = 230$ К отсутствует типичный для неелевских антиферромагнетиков пик восприимчивости, а изменяется лишь наклон кривой $\chi_b(T)$. При дальнейшем повышении температуры увеличение χ_b довольно слабое. Величины χ_a и χ_c остаются по-

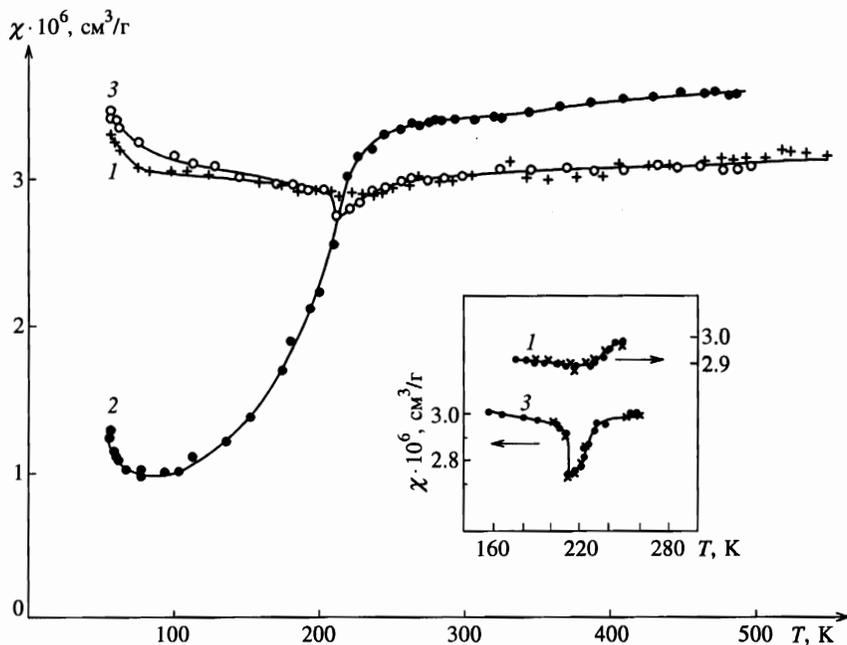

Рис. 1. Температурные зависимости восприимчивости для стехиометрического монокристалла CuO вдоль осей a (1), b (2) и c (3). На вставке: зависимости $\chi(T)$ вблизи T_N для $\mathbf{H} \parallel a$ (1) и $\mathbf{H} \parallel c$ (3) при нагреве (o) и охлаждении (+)

чти постоянными и близкими друг к другу в исследованной области температур. Для направления $\mathbf{H} \parallel c$ во всех монокристаллах обнаружен небольшой минимум χ вблизи $T = 212$ К. Согласно нейтронографическим исследованиям магнитная структура CuO при 212 К переходит от коллинеарного антиферромагнитного упорядочения к геликоидальному с магнитным моментом в плоскости (ac) [10]. При этой же температуре наблюдается второй пик теплоемкости (первый — при T_N), указывающий на фазовый переход. В переходной области 212–230 К наблюдался гистерезис интенсивности магнитных рефлексов [11], поэтому мы провели тщательные измерения восприимчивости как в режиме нагревания, так и охлаждения. Никаких гистерезисных явлений в поведении $\chi(T)$ вдоль осей a , b и c вблизи 212 К не было обнаружено (см. вставку к рис. 1).

С целью увеличения кислородных вакансий монокристалл CuO отжигался на воздухе при 950°C и повторно исследовался. На рис. 2 представлены температурные зависимости χ_a , χ_b и χ_c для того же кристалла, отожженного на воздухе. Из сравнения рис. 1 и 2 следует, что вид температурных зависимостей восприимчивости сохраняется. Кислородные вакансии практически не влияют на зависимость $\chi_a(T)$, однако они приводят к значительным изменениям абсолютных значений χ_b и χ_c . В дефектном монокристалле параллельная восприимчивость при $T < T_N$ увеличивается, а при $T > T_N$ понижается, т. е. изменения $\chi_b(T)$ по абсолютной величине становятся более слабыми. В области низких температур наблюдается инверсия зависимостей $\chi_a(T)$ и $\chi_c(T)$. В стехиометрическом кристалле $\chi_c > \chi_b$ при $T < T_N$, а при $T > T_N$ они практически совпадают. В дефектном монокристалле $\chi_c < \chi_a$ во всей области изменения температур. При этом

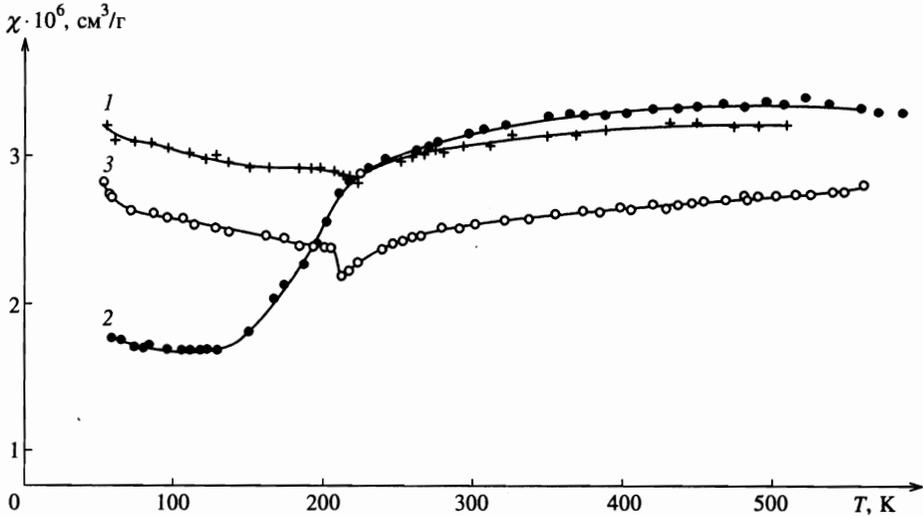
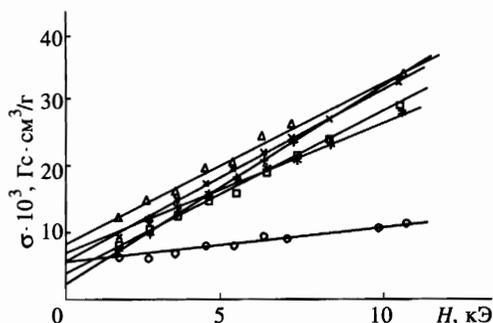

Рис. 2. Температурные зависимости восприимчивости для отожженного на воздухе монокристалла CuO вдоль осей a (1), b (2) и c (3)

температура минимума восприимчивости χ_c до отжига и после остается равной 213 К. Наиболее существенным эффектом кислородных вакансий является уменьшение низкотемпературного роста восприимчивости вдоль всех осей и увеличение минимального значения χ_b в области $T < 140$ К.

Температурные зависимости восприимчивости для монокристалла с кислородными вакансиями по характеру изменения и абсолютным значениям χ хорошо согласуются с кривыми, полученными в [7]. Выше T_N самую большую величину имеет χ_b , а самую малую — χ_c . Однако утверждение авторов работы [7], что в CuO при $T = 212$ К отрицательный скачок $-\Delta\chi_c$ равен положительному скачку $\Delta\chi_b$, а вдоль оси a отсутствуют изменения восприимчивости, является некорректным. Такое поведение восприимчивости характерно для их образца. В отличие от [7] мы наблюдали небольшие, но вполне заметные изломы в ходе кривой $\chi_a(T)$ вблизи $T = 220$ К. Зависимости $\chi(T)$ вдоль основных осей, представленные в работе [9], несколько отличаются от наших данных и данных работы [7], а именно, в области $T > 200$ К самую большую величину имеет восприимчивость вдоль оси c , а $\chi_b \approx \chi_a$. Из анализа данных по $\chi(T)$ для разных монокристаллов и работ [5–9] можно утверждать, что наиболее резкие изменения χ происходят в неколлинеарной фазе при 212–230 К. Качество монокристаллов слабо влияет на T_N , но может приводить к изменению соотношения между значениями χ вдоль осей a , b и c .

Имеющиеся в литературе разногласия по температурным и полевым зависимостям намагниченности CuO , по-видимому, связаны с технологическими особенностями. В некоторых поликристаллах [5, 19] и монокристаллах [8] наблюдали нелинейную зависимость намагниченности σ от поля при $T \leq 250$ К. Небольшую спонтанную намагниченность объясняют слабым ферромагнетизмом, возникающим в антиферромагнетике при отклонении направления спинов от коллинеарного (скос спинов, canted antiferromagnetism). Не ясно, является ли слабый ферромагнетизм собственным свойством CuO или обусловлен дефектами, в частности, кислородными вакансиями. Мы

Рис. 3. Полевые зависимости намагненности для стехиометрического монокристалла CuO вдоль осей a ($\times$, $\square$), b ($\circ$, $+$) и c (Δ , $*$) при $T = 56$ К ($\times$, $\circ$, Δ) и $T = 300$ К ($\square$, $+$, $*$)

сняли полевые зависимости намагненности $\sigma(H)$ для поликристаллов и монокристаллов в области полей $1.5 < H < 15$ кЭ при разных температурах. Хотя мы не можем судить о поведении $\sigma(H)$ в области слабых полей, экстраполяция намагненности к полю $H = 0$ дает информацию о спонтанной намагненности и слабом ферромагнетизме.

В монокристаллах спонтанная намагненность отличается от нуля как выше, так и ниже T_N . На рис. 3 приведены зависимости $\sigma(H)$ для стехиометрического монокристалла вдоль осей a , b и c при температурах 56 и 300 К. Спонтанная намагненность изменяется от $1.5 \cdot 10^{-3}$ до $8 \cdot 10^{-3}$ Гс·см³/г. Подобную зависимость $\sigma(H)$ для направления a при $T = 115$ К наблюдали в [8]. В монокристалле с кислородными вакансиями зависимости $\sigma(H)$ качественно не меняются, и остаточная намагненность сохраняется в тех же пределах. Малая величина остаточной намагненности указывает на слабый скос спинов Cu^{2+} , не связанный с кислородными вакансиями.

4. ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

Температурная зависимость восприимчивости CuO имеет вид, характерный для низкоразмерных магнитных систем. Ниже $T_{N2} = 213$ К соединение CuO является коллинеарным антиферромагнетиком, а выше $T_{N1} = 230$ К наблюдаются сильные спиновые корреляции и ближний порядок сохраняется по крайней мере до 450 К. Следует отметить, что спиральная магнитная структура, обнаруженная в промежуточной области $212 < T < 230$ К, может реализоваться как в трехмерной, так и одномерной системах. Природа дальнего магнитного порядка в низкоразмерных системах отличается от обычного в трехмерных магнитных решетках, что проявляется в заметном уменьшении среднего спина из-за низкоэнергетических возбуждений. Уменьшение среднего спина обратно пропорционально значению спина и числу взаимодействующих соседей.

Магнитную структуру CuO можно представить в виде цепочек Cu–O–Cu вдоль направления [101] с сильным антиферромагнитным сверхобменом I_1 через ионы O^{2-} в цепочке и более слабой ферромагнитной связью I_2 между цепочками. Соотношение между параметрами I_1 и I_2 имеет важное значение. Если величина I_2 значительно меньше I_1 , то при повышении температуры, когда величина kT становится сравнимой с I_2 ,

взаимодействие между цепочками выключается и CuO может перейти в одномерное антиферромагнитное состояние. Если взаимодействие между цепочками в плоскости (ac) отличается от нуля, не исключена вероятность двумерного антиферромагнитного упорядочения. Взаимодействие в цепочке приводит к корреляции спинов и эффектам ближнего порядка. Проявлением эффектов ближнего порядка в низкоразмерных системах является пологий максимум на зависимости $\chi(T)$ вблизи $T \approx I/k$.

В настоящее время нет однозначного мнения относительно размерности ($1D$ или $2D$) магнитной системы CuO и модели (Гейзенберга, Изинга или XY) для ее описания. Поскольку CuO представляет собой систему, состоящую первоначально из независимых антиферромагнитных цепочек, а ионы Cu^{2+} часто описываются моделью Гейзенберга, мы попытались описать температурные зависимости восприимчивости в области $T > T_N$ одномерной изотропной цепочкой со спином $S = 1/2$ [20]. Наилучшее согласие экспериментальной зависимости $\chi(T)$ для поликристалла с расчетными кривыми при разных значениях обменного параметра I/k и g -фактора получено при $I/k = 430$ К и $g = 1.97$.

В монокристаллах выше T_N наблюдается анизотропия магнитной восприимчивости в параллельном и перпендикулярном полях относительно направления спина. В модели Гейзенберга обмен в цепочке изотропен, поэтому расчетная восприимчивость тоже должна быть изотропной. Анизотропия величины χ в этой модели может быть связана с анизотропией g -фактора. При этом максимальная восприимчивость, определяемая соотношением

$$\chi_{max}|I|/Ng^2\mu_B^2 = 0.07346,$$

зависит от g -фактора, а температура максимума восприимчивости для всех направлений поля должна быть одной и той же. В CuO значение g -фактора неизвестно, так как в монокристаллах сигнал ЭПР в области температур 80–450 К отсутствует [21]. Обычно в соединениях наблюдается слабая анизотропия g -фактора ионов Cu^{2+} : $g_{\parallel,\perp} = 1.9\text{--}2.4$. Небольшой анизотропией g -фактора ($g_{\parallel} = 2.02$, $g_{\perp} = 1.88$ при $I/k = 390$ К) можно объяснить наблюдаемую анизотропию величин $\chi_{\parallel}$ и $\chi_{\perp}$ в ограниченной области $T > 400$ К, однако весь температурный ход восприимчивости выше T_N не описывается $1D$ -моделью Гейзенберга. Обработка экспериментальных зависимостей $\chi(T)$ вдоль осей a , b и c стехиометрического и дефектного монокристалла с использованием численных результатов Боннера и Фишера [20] для гейзенберговской цепочки со спином $S = 1/2$, дала сильно различающиеся значения обменных параметров и g -фактора. Следовательно, CuO не является изотропной системой и $1D$ -модель Гейзенберга неприменима.

Анизотропная антиферромагнитная цепочка может быть описана моделью Изинга или XY-моделью [18, 22]. Мы провели оценки обменных параметров и g -фактора для монокристалла CuO до и после отжига, используя теоретические формулы для изинговской цепи. Расчеты показали, что значения I/k и g -фактора для разных осей сильно различаются, т. е. модель Изинга также неприменима. Следует, однако, отметить, что обменные параметры для направлений a и c довольно близки и значительно больше параметра I/k для оси b . Следовательно, наиболее сильное взаимодействие между ионами Cu осуществляется в плоскости (ac), в которой лежат цепочки Cu-O-Cu .

Температурные зависимости восприимчивости CuO очень похожи на зависимости $\chi(T)$ для $1D$ -антиферромагнетика CsCoCl_4 [23], описываемого XY-моделью. Для XY-модели характерна сильная анизотропия g -фактора ($g_{\perp} \gg g_{\parallel}$) и отсутствие ани-

зотропии восприимчивости в плоскости xy . Можно предположить, что CuO является либо одномерным соединением, соответствующим XY-модели, либо двумерным. Магнитные свойства 1D- и 2D-соединений не сильно различаются, поэтому часто трудно сделать правильный выбор модели. К оценкам величин I/k и g по разным моделям следует относиться осторожно, так как в расчетах обычно полагают, что спин Cu^{2+} направлен вдоль оси b . Однако переход от трехмерного к низкоразмерному антиферромагнетизму происходит с изменением направления спина. На это указывают нейтронографические данные и соотношение между значениями χ вдоль основных осей. В анизотропных низкоразмерных моделях параллельная восприимчивость должна быть значительно меньше перпендикулярной, а максимум $\chi_{\perp}$ смещен в область более низких температур по сравнению с $\chi_{\parallel}$. Как видно из рис. 1 и 2, выше T_N самую большую величину имеет χ_b . По-видимому, в этой области температур восприимчивость вдоль основных осей представляет собой суперпозицию вкладов $\chi_{\parallel}$ и $\chi_{\perp}$.

Монооксид меди CuO является фрустрированным антиферромагнетиком из-за близости величин конкурирующих ферромагнитного обмена J_1 между ближайшими соседями и антиферромагнитного взаимодействия J_2 следующих за ближайшими соседями. Согласно теоретическим представлениям [24], в фрустрированном гейзенберговском 2D-антиферромагнетике со спином $S = 1/2$ при $J_2/J_1 = 1.1$ должен наблюдаться фазовый переход второго рода от неелевского упорядочения к геликоидальному, а при $J_2/J_1 = 1.65$ — переход первого рода от геликоидального антиферромагнетизма в состояние квантовой спиновой жидкости. Качественно подобное поведение магнитной системы наблюдается в CuO . Переход из 3D в низкоразмерное состояние с сильной спиновой корреляцией вдоль определенного направления, по-видимому, происходит не критическим образом, а размыт по температуре. Косвенным подтверждением этого могут служить отличная от нуля остаточная намагниченность и слабое изменение величин χ_a , χ_b и χ_c с температурой в области $T > T_N$. По-видимому, выше T_N сохраняются магнитоупорядоченные микрообласти. Отсутствие резких изменений в ходе зависимости $\chi_a(T)$ не является указанием самых сильных спиновых корреляций [7]. Оно может быть связано с тем, что ниже 212 К восприимчивость вдоль оси a представляет собой $\chi_{\perp}$, а выше 212 К появляется составляющая $\chi_{\parallel}$.

Как отмечалось выше, дефекты влияют на величину восприимчивости и вид зависимостей $\chi_{\parallel}(T)$ и $\chi_{\perp}(T)$. При увеличении кислородных вакансий максимум χ сдвигается в область меньших T . Это может быть вызвано разрывом антиферромагнитных связей и уменьшением эффективного обмена. Появление небольших областей с разорванными антиферромагнитными связями приводит к повышению восприимчивости. В поликристаллических пленках CuO , в которых возможно большее число дефектов по сравнению с массивными образцами, температура Нееля значительно ниже ($T_N < 160$ К) [25]. «Парамагнитное» увеличение восприимчивости для монокристаллов и поликристаллов CuO в области низких температур связывают со слабым ферромагнетизмом, возникающим из-за скоса спинов вблизи дефектов, и появлением свободных ионов Cu^{2+} [4, 7, 8]. На наш взгляд, слабый ферромагнетизм действительно связан с отклонением направления спинов от коллинеарного упорядочения из-за фрустрации обменных взаимодействий, однако образование изолированных парамагнитных центров Cu^{2+} маловероятно. Во всех поликристаллах и монокристаллах, не содержащих посторонних примесей, сигнал парамагнитного резонанса не наблюдался. Отсутствие сигнала ЭПР в области $T < T_N$ объясняется антиферромагнитным дальним порядком, а выше T_N — сильными спиновыми корреляциями ионов Cu^{2+} . Из рис. 1 и 2 видно, что

наличие дефектов в монокристаллах CuO не приводит к усилению «парамагнитного» роста χ . Уменьшение низкотемпературной аномалии в дефектном кристалле является фиктивным из-за общего повышения χ . Качественно подобное наблюдаемому поведению $\chi_{\perp}$ и $\chi_{\parallel}$ от температуры, а именно, увеличение восприимчивости при понижении T возможно в альтернированных цепочках [20] и фрустрированных антиферромагнетиках. Причиной низкотемпературного роста χ также может служить повторный переход в состояние спинового стекла или низкоразмерного упорядочения. В родственном соединении $\text{La}_2\text{CuO}_{4+\delta}$ при уменьшении температуры ниже 30 К наблюдали убывание интенсивности брэгговского $3D$ -рассеяния нейтронов и, соответственно, резкое увеличение квазиупругого $2D$ -рассеяния [26]. Вероятность такого перехода не исключена и в CuO .

5. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Магнитная восприимчивость CuO анизотропна во всей исследованной области температур. Зависимости $\chi(T)$ вдоль основных осей указывают на $3D$ -антиферромагнетизм ниже T_N и низкоразмерное упорядочение особого типа (состояние квантовой спиновой жидкости) выше T_N . Из всех известных низкоразмерных магнетиков CuO и родственные перовскитоподобные соединения имеют самые высокие температуры Нееля T_N и, соответственно, большую величину обменного взаимодействия. Дефекты приводят к частичному разрыву антиферромагнитных связей. Кислородные вакансии качественно не влияют на вид зависимости $\chi(T)$, но приводят к изменению абсолютных значений χ_b и χ_c . Заметным эффектом кислородных вакансий являются уменьшение низкотемпературного роста χ и более слабые изменения величины $\chi_b(T)$. В области $T > T_N$ самую большую величину имеет χ_b , что указывает на изменение направления спина ионов Cu^{2+} . Обработка экспериментальных данных по $1D$ -моделям Гейзенберга и Изинга показала, что они не описывают поведение зависимости $\chi(T)$ в CuO .

Авторы благодарны В. В. Дякину и Б. В. Карпенко за помощь в обработке экспериментальных результатов.

Работа выполнена в рамках Российской госпрограммы (012) «Поверхностные атомные структуры» (проект № 95-2.10).

Литература

1. M. O'Keefe and F. S. Stone, *J. Phys. Chem. Sol.* **23**, 261 (1962).
2. Т. И. Арбузова, А. А. Самохвалов, И. Б. Смоляк и др., Письма в ЖЭТФ **50**, 29 (1989).
3. А. А. Самохвалов, Н. А. Виглин, Б. А. Гижевский и др., ЖЭТФ **103**, 951 (1989).
4. M. S. Seehra, Z. Feng, and G. R. Gopalakrishnan, *J. Phys. C* **21**, 1051 (1988).
5. K. Muraleedharan, C. K. Subramaniam, N. Venkataramani et al., *Sol. St. Comm.* **76**, 727 (1990).
6. Т. И. Арбузова, А. А. Самохвалов, И. В. Смоляк et al., *J. Magn. Magn. Mat.* **95**, 198 (1991).
7. U. Kobler and T. Chattopadhyay, *Z. Phys. B* **82**, 383 (1991).
8. C. B. Azzoni, A. Pleari, and G. B. Paravicini, *J. Phys: Condens. Matter* **4**, 1359 (1992).
9. F. Marabelli, G. B. Paravicini, and P. Wachter, *Sol. St. Comm.* **86**, 131 (1993).
10. J. V. Forsyth, P. J. Brown, and B. M. Wakhlyn, *J. Phys. C* **21**, 2917 (1988).

11. B. X. Yang, T. R. Thurston, J. M. Tranquada, and G. Shirane, *Phys. Rev. B* **39**, 4343 (1989).
12. B. X. Yang, J. M. Tranquada, and G. Shirane, *Phys. Rev. B* **38**, 174 (1988).
13. T. Chattopadhyay, G. J. McIntyre, P. J. Brown, and J. B. Forsyth, *Physica C* **170**, 371 (1990).
14. A. Junod, D. Eckert, G. Triscone et al., *J. Phys: Condens. Matter* **1**, 8021 (1989).
15. J. W. Loram, K. A. Mirza, C. P. Joys, and A. J. Osborne, *Europhys. Lett.* **8**, 263 (1989).
16. Ю. В. Левинский, *Диаграммы состояния двойных металлических систем*, т. 1, Металлургия, Москва (1990).
17. А. С. Боровик-Романов, *Антиферромагнетизм* в сб. *Антиферромагнетизм и ферриты*, Итоги науки, Москва (1962), с. 7.
18. Р. Карлин, *Магнетохимия*, Мир, Москва (1989).
19. B. Roden, E. Braun, and A. Freimuth, *Sol. St. Comm.* **64**, 1051 (1987).
20. J. C. Bonner and M. E. Fisher, *Phys. Rev.* **135**, A640 (1964).
21. Н. А. Виглин, С. В. Наумов, А. А. Самохвалов, *ФТТ* **38**, 1277 (1996).
22. L. Y. de Jongh and A. R. Miedema, *Adv. Phys.* **23**, 1 (1974).
23. P. M. Duxbury, J. Oitmaa, M. N. Barber et al., *Phys. Rev. B* **24**, 5149 (1981).
24. M. Albrecht and F. Mila, *Europhys. Lett.* **34**(2), 145 (1996).
25. M. Sohma and K. Kawaguchi, *J. Appl. Phys.* **77**, 1189 (1995).
26. Y. Endoh, K. Yamada, R. J. Birgeneau et al., *Phys. Rev. B* **37**, 7443 (1988).